

В комнате очертания призрака мёртвой женщины окончательно сгустились. Она пылала лютой ненавистью.

— Не смирюсь... Не прощу! — без конца хрипела она.

С яростным воплем женщина бросилась к Линь Цанхэ, выставив вперёд скрюченные пальцы.

Сюань Ли напрягся, готовый в любой миг вмешаться, но Линь Цанхэ лишь усмехнулся. Легко коснувшись лба обезумевшей женщины кончиком пальца, он лениво бросил:

— Глаза разуй. Твой враг вон там валяется.

Женщина застыла в растерянности. Проследив за его взглядом, она уставилась на кровать, где лежал Чэнь Юцай. В то же мгновение она свирепо разъярилась:

— Чэнь Юцай! Чэнь Юцай! Будь ты проклят, ублюдок! Сдохни!

С диким воем она метнулась к постели и мёртвой хваткой вцепилась мучителю в горло.

Чэнь Юцай мгновенно проснулся. Увидев перед собой бледное лицо покойной жены, он оцепенел от ужаса.

— Ты... — прохрипел он, но слова застряли в сдавленном горле.

Женщина помрачнела от ярости. Вскоре она жутко и торжествующе улыбнулась.

Взмахом руки женщина сорвала с постели плотную тёмную простыню и забросила её на потолочную балку прямо над узором мерцающего массива. Схватив хрипящего мужа за шиворот, она вздёрнула его вверх, продев голову в петлю, и разжала пальцы. Оказавшись в петле, Чэнь Юцай отчаянно заболтал ногами в воздухе. Задыхаясь, он из последних сил засипел:

— Про... прости меня! Пощади... умоляю! Клянусь... больше ни одной ставки... никогда больше...

Когда грешник уже почти испустил дух, женщина взмахнула рукой, перерубая ткань. Мужчина мешком рухнул на пол, жадно, со свистом хватая ртом воздух.

Едва дыша от пережитого ужаса, Чэнь Юцай пополз к покойнице на коленях, то и дело бясь лбом о грязные доски:

— Я виноват! Бес попутал, бес! Жена моя, прости! Никогда больше к костям не прикоснусь, видит небо! Сжался, уходи с миром, ступай на перерождение!

Эта женщина была его первой, законной супругой. Он с молодости страдал пагубной страстью к азартным играм. Детей у них долго не было, и когда они однажды подобрали на улице брошенного младенка — маленького Линь Цанхэ, — оба без памяти обрадовались. Но с того самого дня удача окончательно отвернулась от игрока. Сначала он проигрывал по мелочи, но вскоре спустил всё имущество. После каждого поражения возвращался сам не свой и жестоко избивал и жену, и приёмного сына. Годы шли, женщина безропотно сносила побои, надеясь на чудо. Но когда в доме не осталось ни единой горсти риса, она со слезами на глазах взмолилась, умоляя мужа остановиться. В ответ Чэнь Юцай лишь рассвирепел и пинком сбил её с ног. Тогда, глядя на забившегося в угол плачущего Линь Цанхэ, несчастная впервые разрыдалась от полного, беспросветного отчаяния.

В ту роковую ночь Чэнь Юцай вернулся за полночь. Разумеется, он снова проигрался до нитки. Озверев от злости, в очередной раз избил жену и ребёнка, но на этот раз зашёл ещё дальше — в уплату долга пообещал отдать супругу чужим людям. Это стало последней каплей. Разум женщины помутился, и на рассвете она повесилась на той самой балке.

Не слыша звуков, Чэнь Юцай решил, что женщина исчезла. Он осторожно поднял голову и обмер: покойная жена стояла прямо перед ним, глядя на него с безмерным презрением и ледяной ненавистью. Она жестоко улыбнулась:

— Ты заслуживаешь самой мучительной смерти. Но убить тебя сейчас — слишком лёгкое избавление. Твой порок — игра. Что ж, я сделаю так, чтобы ты больше никогда в жизни не смог сделать ни одной ставки. Это станет для тебя вечным адом.

В воздухе сверкнула ледяная вспышка. Раздался свист отсекаемой плоти, и на пол один за другим посыпались окровавленные обрубки десяти пальцев.

Женщина глухо, зловеще рассмеялась:

— Посмотрим, как ты теперь бросишь кости без рук.

Мужчина зашёлся в истошном, диком крике:

— Сука! Паршивая тварь! Да как ты смеешь?!

Слова мужа лишь сильнее разозлили покойницу. Её лицо исказилось, и она разразилась безумным хохотом:

— О, я и забыла! Даже без рук ты сможешь пойти в игорный дом и делать ставки на словах. Значит, язык тебе тоже больше не понадобится.

Она метнулась к нему и одним неуловимым движением вырвала и отсекла ему язык. Захлёбываясь собственной кровью, Чэнь Юцай повалился на пол, мыча от невыносимой муки.

Линь Цанхэ, наблюдавший за этой сценой со стороны, поморщился и брезгливо прикрыл глаза ладонью.

«Какая жестокость... Поистине, самый страшный яд сокрыт в женском сердце».

Женщина занесла руку, собираясь перерубить мучителю ноги, но на полпути она бессильно опустила руку.

— И ради него... Ради этого ничтожества я загубила свою жизнь... Всю свою жизнь... — её голос сорвался на шёпот, и она безмолвно заплакала.

Линь Цанхэ неторопливо шагнул вперёд:

— И это всё? Другого шанса поквитаться не будет. Можешь помучить его ещё немного, всё равно его никчёмная жизнь ничего не стоит.

Женщина горько улыбнулась:

— Не нужно. Моя жизнь уже прожита впустую, марать о него душу больше не стоит.

Линь Цанхэ разочарованно вздохнул:

— Что ж, воля твоя.

Он сложил пальцы в ритуальном жесте, и в полумраке комнаты беззвучно разверзлись чёрные Врата Жёлтых источников. Женщина благодарно поклонилась Линь Цанхэ, повернулась и безмолвно шагнула в загробный мир. Врата тут же захлопнулись, не оставив и следа.

Только теперь Чэнь Юцай осознал, что за всем этим стоял его приёмный сын. Хрипя и обливаясь кровью, он попытался доползти до юноши, но Линь Цанхэ легко отступил на шаг, глядя на него сверху вниз:

— Её обида утихла. Но глядя на твоё жалкое убожество... Знаешь, я ведь поначалу думал оставить тебя в покое за былые побои. Но теперь — увы, не сдержусь.

Его голос звучал непринуждённо, однако он смотрел с нечеловеческим холодом.

В воздухе блеснула сталь — Линь Цанхэ обнажил Бледную грушу и одним безупречным

взмахом отсёк мучителю обе ноги.

— Отныне мы в расчёте.

Убрав оружие, он развернулся и вышел прочь из дома.

Когда шаги Линь Цанхэ затихли вдали, в полуразрушенную комнату вошли Сюань Цин и Сюань Ли. Глядя на скорчившееся на полу окровавленное тело, Сюань Цин нахмурился. Он стал суров:

— С подобным жестокосердием он в будущем станет настоящим бедствием.

Сюань Ли лишь безразлично пожал плечами:

— А по-моему, он ещё легко отделался.

И хотя его голос звучал хладнокровно, он испытал сложное чувство.

Сюань Цин недовольно повысил голос:

— Тринадцать, ты прекрасно понимаешь, о чём я! Каким бы ни был этот человек, он его отец! Он...

— Отец?! — резко оборвал его Сюань Ли. — Да разве это отродье заслуживает называться отцом? Ты хоть знаешь, что он творил? Когда я подобрал этого мальчишку, на нём живого места не было — старые рубцы поверх свежих кровавых ран. Если бы я не знал, что это ребёнок, решил бы, что передо мной изрубленный кусок мяса! Поднять руку на собственное дитя... Нет, он ему не отец!

Сюань Цин на мгновение лишился дара речи, но всё же возразил:

— Даже если так, он встретил тебя и обрёл путь к бессмертию. Ему следовало проявить великодушие. Почему бы просто не избавить несчастного от мучений одним точным ударом? К чему эта изощрённая жестокость? Его отец действительно был зверем, но если твой ученик платит ему той же монетой, чем он лучше? Тринадцать, держать подле себя человека с такой тёмной душой...

Сюань Ли помрачнел. Он холодно прервал собеседника:

— Легко рассуждать о милосердии, когда не твоё тело кромсали в детстве. Я знаю своего ученика лучше, чем кто-либо. И воспитывать его буду сам, так избавь меня от своих советов.

— Тринадцать, я лишь беспокоюсь за тебя... Впрочем, неважно, — Сюань Цин тяжело вздохнул, развернулся и покинул дом.

Он лишь тревожился, что столь жестокий воспитанник сделает и без того холодное сердце Сюань Ли совершенно безразличным к миру живых, окончательно оборвав его связи с земной обителью. Он боялся, что в один прекрасный день Сюань Ли уйдёт навсегда.

Сюань Ли замер в лёгком замешательстве. Он не ожидал, что названный брат воспримет это так близко к сердцу. Вновь взглянув на хрипящего на полу калеку, тихо вздохнул. Хорошо ещё, что свидетелем этой расправы стал один только Сюань Цин. Узнай о случившемся другие старейшины праведных орденов, Лань И несдобровать бы — его бы вмиг объявили приспешником демонов. Земной мир — не Кровавое царство бесконечности, здесь свои законы. Похоже, воспитать этого парня будет непросто.

Когда Линь Цанхэ опустил свой меч у самого подножия горы Цанъи, он увидел Сюань Ли, неподвижно стоявшего у начала подъёма. Поспешно сойдя с клинка, юноша почтительно поклонился:

— Учитель, почему вы здесь в столь поздний час?

Сюань Ли не ответил. Он молча смотрел на уходящие в облака каменные ступени.

— Цанхэ, помнишь, как год назад ты впервые поднимался по этой лестнице?

— Помню, учитель, — кивнул юноша.

— Я хочу, чтобы ты навсегда запомнил решимость, с которой шёл тогда, — тихо произнёс Сюань Ли.

Сердце Линь Цанхэ пропустило удар. Неужели Тринадцать тайно последовал за ним в деревню и видел всё? Но видел ли он узоры его заклинаний? Если видел, то наверняка догадался, кто перед ним на самом деле. Юноша осторожно взглянул на наставника. Тот казался спокойным и ничем не выдавал своих подозрений. Решив прощупать почву, Линь Цанхэ спросил:

— Учитель сегодня тоже был в деревне Фулянь?

Сюань Ли слегка кивнул. У юноши перехватило дыхание, и он с трудом выдавил:

— И... когда же вы прибыли, учитель?

— К тому моменту ты уже ушёл. Я застал лишь того, кто остался лежать на полу.

Линь Цанхэ облегчённо выдохнул.

«Слава богам, Тринадцать не видел узоров массива».

Понимая, что наставник просто тревожится, как бы бывшие обиды не омрачили его разум и не помешали совершенствованию, юноша сложил руки в приветствии:

— Учитель, отныне ваш ученик — лишь Линь Цанхэ из Дворца Небесного Механизма. Всё, что осталось в прошлом, больше меня не касается.

«Всё, что в прошлом, тебя не касается?» — мысленно усмехнулся Сюань Ли.

«Как легко он это произнёс с таким серьёзным видом! Но для него всё происходящее сейчас — лишь мимолётный сон».

«Но даже когда он вернёт былую память, эти дни останутся реальностью. Я действительно был его учителем. И когда всё откроется, нужно будет сполна насладиться этим обращением».

Сюань Ли заметно повеселел:

— Тогда, год назад, я летел на мече и не смог подняться вместе с тобой. Что ж, пройдем этот долгий путь вдвоём.

Линь Цанхэ послушно кивнул, хотя в душе его зародилось сомнение. Только что учитель был мрачнее тучи, и вдруг его настроение так резко улучшилось. Юноша тряхнул головой, отгоняя странные мысли. Сюань Ли уже начал неторопливый подъём по лестнице. Он был бесстрастен. Линь Цанхэ поспешил следом.

— Учитель.

— Хм?

— Учитель.

— Что такое?

— Учитель.

— Ну и чего тебе?

— Да ничего, просто так, — с улыбкой отозвался Линь Цанхэ.

Сюань Ли сегодня на удивление проявлял терпение. Будь это в другой день, он бы уже давно на него прикрикнул.

Пока они шли, юноша невольно вспоминал их первую встречу на этих заоблачных ступенях. Тогда он так спешил, что перепрыгивал через две за раз. Сюань Ли тогда сказал ему, что каждый шаг на пути совершенствования — это неповторимая картина, и заставил его рассматривать окрестности. Вспомнив это, Линь Цанхэ невольно улыбнулся и покачал головой.

Когда они достигли вершины и вошли в ворота Дворца Небесного Механизма, из-за горизонта начали пробиваться первые лучи солнца. Мягкий рассветный свет рассеял утренний туман и окутал силуэт Сюань Ли золотистым ореолом, стирая его привычную холодность. Линь Цанхэ застыл на месте, не в силах отвести глаз.

«И как можно быть настолько красивым?»

Заметив его пристальный взгляд, Сюань Ли обернулся и усмехнулся:

— Я знаю, что хорош собой, но если ты будешь так на меня пялиться, даже мне станет неловко.

Линь Цанхэ смущённо кашлянул и отвёл глаза:

— Учитель, у вас будут какие-то поручения?

— Ступай к себе, вымойся и хорошенько выспись. А когда проснёшься — перепиши Сутру успокоения сердца сто раз.

Линь Цанхэ покорно склонил голову.

Сюань Ли прищурился в притворном подозрении:

— Какое послушание. И даже не спросишь почему?

— Вы заботитесь обо мне, учитель, боитесь, что я погрязну в былых обидах. Ваш ученик отправляется переписывать, — с кроткой улыбкой ответил юноша.

А про себя подумал:

«Вот же дёрнул меня чёрт проявить такую жестокость прямо у него под носом! Если сейчас начну пререкаться, он точно выставит меня за дверь».

Сюань Ли провожал его уходящую фигуру долгим, исполненным неизъяснимой нежности взглядом.

Когда юноша скрылся из виду, за спиной Сюань Ли раздался холодный голос Сюань Цина:

— Где он?

Сюань Ли вздрогнул, возвращаясь к реальности, и небрежным жестом откинул с лица прядь темных волос:

— Мальчишка пошёл переписывать сутры.

— Сутры? — недовольно нахмурился Сюань Цин. — Ты слишком ему потакаешь.

— У тебя своих учеников пруд пруди, вот ими и занимайся, — огрызнулся Сюань Ли. — А к моему не лезь, сам разберусь.

Сюань Цин вздохнул, и его голос заметно смягчился:

— Я недавно составил его натальную карту. Его рок несёт в себе печать леденящей тьмы. Ты ведь сам прекрасно понимаешь, к какому финалу это приведёт...

Сюань Ли горько усмехнулся:

— Если бы я верил в предначертанное, то давно сгнил бы в Кровавом царстве бесконечности, и костей бы моих никто не собрал.

С тех пор как он вернулся из бездны, он впервые сам заговорил об этом проклятом месте.

Сюань Цин опустил глаза и промолчал.

Два тысячелетия назад

Более двух тысяч лет назад ордена бессмертных ещё не были разделены на четыре дворца и три поместья. В те времена миром заклинателей правили двое: Иси-цзы с горы Цанъи и Цинсуй-цзы с горы Байюэ. Они были соучениками и постигали Дао под началом великого даоса Чэнсюя, который, достигнув божественного могущества, покинул эти земли и отправился странствовать по свету.

Изначально оба они жили на горе Цанъи. Однако в силе, искусстве заклинаний и глубине познаний Иси-цзы всегда оказывался на голову выше своего названного брата. Не желая мириться с вечным поражением, Цинсуй-цзы ушёл в затворничество на десять лет, после чего вновь вызвал Иси-цзы на поединок, поклявшись в случае проигрыша навсегда покинуть гору.

Как и следовало ожидать, Цинсуй-цзы потерпел поражение. Вне себя от гнева и обиды, он забрал своих учеников и ушёл на гору Байюэ. Там он усердно предавался тренировкам, желая во что бы то ни стало смыть позор. Вскоре он затворился в пещере на целое столетие, не показываясь миру.

Но наступили тёмные времена. Нашествие демонов принесло в мир смертных великое бедствие.

Иси-цзы возглавил войнство праведных орденов и выступил против захватчиков. В разгар войны, когда превосходящие силы демонов были разбиты и обращены в прах, Предок призраков в ярости разразился безумным хохотом:

— Иси-цзы! Клянусь, я превращу весь этот мир в чистилище, дабы омыть его кровью моих павших воинов!

С этими словами он принёс в жертву собственную душу и открыл проход в Кровавое царство бесконечности. Бесчисленные орды безжалостных демонов и призраков хлынули наружу, сея смерть и разрушение.

— Тысячи лет... Кто бы мог подумать, что я вновь увижу солнце.

С этим леденящим душу вздохом из клубов мертвенно-бледного призрачного тумана неторопливо выступил жуткий исполин в багровых, пропитанных кровью одеждах.

— Земли смертных, трепещите: великий Гуй Инь вернулся!

В ту же секунду Гуй Инь принялся беспощадно истреблять всё живое. Почувяв неладное, Сюань Цин сложил ритуальный жест и призвал свой духовный меч, направляя его в грудь чудовища. Однако Гуй Инь с лёгкостью перехватил летящий клинок голой рукой и без малейшего усилия раскрошил его в прах. Сюань Цин, получив тяжелейшие раны, рухнул на колени.

Чудовище медленно подошло к нему, презрительно сощурился глазами:

— Жалкое насекомое. Как ты смеешь поднимать на меня оружие?

С этими словами он мёртвой хваткой вцепился Сюань Цину в горло и брезгливо швырнул его прямо в разверзнувшуюся бездну Кровавого царства. Сюань Цин уже падал в пропасть, когда Сюань Ли в последний миг успел перехватить его руку и рванул на себя.

Сюань Ли облегчённо выдохнул:

— Успел... Брат Сюань Цин, ты цел?..

— Осторожно!.. — в ужасе закричал Сюань Цин.

Не успел Сюань Ли обернуться, как Иси-цзы сокрушительным ударом отбросил Гуй Иня обратно в проход. Но падающий Демонический владыка успел вцепиться в одежды Сюань Ли, увлекая его за собой в бездну.

Иси-цзы немедленно попытался запечатать Кровавое царство бесконечности.

— Учитель! Младший брат Сюань Ли остался там!.. — в отчаянии закричал Сюань Цин.

— Не время щадить жизни! — сурово оборвал его Иси-цзы. — Гуй Инь только что вырвался на свободу и переоценил свои силы, потому мне и удалось отбросить его. Если он опомнится и хлынет обратно, нам не сдобровать!

Он лихорадочно складывал печати, пытаясь закрыть проход, но Гуй Инь яростно сопротивлялся с той стороны, не позволяя запереть врата.

В этот решающий миг, находясь по ту сторону грани, Сюань Ли сумел направить всю свою духовную силу в меч и насквозь пронзил руку чудовища. Гуй Инь взвыл от боли, его хватка ослабла, и Иси-цзы наконец захлопнул врата бездны.

Однако не успели заклинатели перевести дух, как в пространстве вновь начали расползаться зловещие трещины. Иси-цзы тяжело вздохнул:

— Видно, такова моя судьба.

И с этими словами он принёс себя в жертву Дао, навечно запечатав разлом собственной плотью и душой.

— Учитель!..

— Учитель!..

Раздались полные скорби крики Сюань Чжэня и Сюань Цина.

Лишь тогда к месту битвы подоспел Цинсуй-цзы. Но всё, что он застал — лишь холодный труп своего названного брата. Возглавив уцелевших заклинателей, он истребил остатки демонов, и в

мире наконец воцарился покой.

С тех пор Сюань Цин часто приходил к закрытому ущелью с двумя кувшинами вина, чтобы почтить память погибшего Сюань Ли.

— Младший брат, — тихо шептал он, глядя в безмолвную пустоту, — беда миновала, скверна отступила. Всё вернулось на круги своя, вот только тебя больше нет рядом. Раньше я всегда бежал от мирской суеты, ни с кем не znalся. Я знал, что наделён лучшим даром в семье Наньгун и мне суждено стать следующим главой клана. У меня не было права на передышку, вся моя жизнь уходила на совершенствование, и я совсем не умел дружить...

— Помнишь, как только ты переступил порог школы, тут же попытался затащить нас с братом Сюань Чжэнем в кабак у подножия горы? Я отказался. Сюань Чжэнь тогда напился до беспамятства, а тебе хоть бы что. Учитель заставил его переписывать Сутру успокоения сердца сто раз. После этого Чжэнь и знать тебя не хотел, и ты переключился на меня. А я... я всегда отвечал тебе лишь ударами тренировочного меча.

— А потом ты перестал приходить. И, признаться, мне стало чертовски одиноко.

— Но я и подумать не мог, что на грани жизни и смерти ты, не раздумывая, отдашь за меня жизнь...

— Учитель как-то составлял твою карту судьбы и сказал, что тебе суждено погибнуть молодым. Сюань — это вода, Ли — это огонь. Ему суждено сгореть или утонуть в горниле пламени и хлада. Я не верил в предначертанное. Ведь если всё решено заранее, то в чём вообще смысл нашего пути? Но теперь...

— Да что теперь толку лить слёзы? Брат Сюань Ли, я принёс твоё любимое вино. То самое, что вы пили с Сюань Чжэнем. Тогда я отказался разделить с вами чашу. Сегодня я пью за тебя.

Спустя полчаса, осушив кувшин наполовину, Сюань Цин уронил голову на колени:

— Я так жалею, Сюань Ли... Ещё тогда, когда ты перестал досаждать мне своими расспросами, в глубине души я уже жалел о своей холодности. Но теперь ничего не вернуть. Никогда.

— Опять второй брат набрался до бесчувствия, — ворчал Сюань Жо, таща на себе обмякшее тело Сюань Цина. — С тех пор как не стало учителя, он сам не свой. Целый год прошёл! Старший брат, сделай же что-нибудь! Он ведь так окончательно сгубит себя.

— Если он сам выбрал этот путь, я бессилен, — мрачно отозвался Сюань Чжэнь.

— Эх, будь здесь брат Сюань Ли... Уж он бы со своими вечными каверзами точно заставил бы его встряхнуться.

— Но он мёртв.

— Да как ты можешь так говорить?! Брат Сюань Ли обязательно вернётся, он жив! — вскинулся Сюань Жо.

— Тот, кто едва достиг Небесного ранга, не продержался бы в Кровавом царстве бесконечности и дня. Младший брат, глупо цепляться за призрачные надежды.

— Слышать тебя не желаю! — Сюань Жо сердито ускорил шаг, придерживая Сюань Цина.

— Ну и катись. Тоже мне, потеря, — проворчал вслед Сюань Чжэнь.

Год спустя

Год спустя Цинсуй-цзы скончался прямо у могилы Иси-цзы, погрузившись в вечную медитацию. С этого дня вражда между горой Байюэ и горой Цаньи стала непримиримой.

Состязания Праздника двух девяток

На состязаниях Праздника двух девяток, проводившихся на следующий год после кончины Цинсуй-цзы, Цзы Юй и Цзы Мо вновь бросили вызов, намереваясь силой вернуть себе гору Цаньи. В первом поединке Сюань Чжэнь одолел Цзы Цзи, во втором — Сюань Жо уступил Цзы Мо. Исход состязаний висел на волоске: мертвецки пьяный Сюань Цин не мог держать меч. И когда поражение горы Цаньи казалось неизбежным, Сюань Ли вернулся. Достигнув Царства сокровенного превращения, он стремительным и беспощадным ударом наголову разбил Цзы Юя.

Протрезвев и узнав о возвращении названного брата, Сюань Цин той же ночью ворвался к нему с кувшинами вина, и они пили до самого рассвета.

Но стоило Сюань Цину спросить, как прошли эти два года в бездне, Сюань Ли либо мрачно отмалчивался, либо переводил разговор на другие темы. С тех пор Сюань Цин больше не расспрашивал.

После возвращения из Кровавого царства бесконечности характер Сюань Ли разительно изменился. Он стал нелюдимым, затворился в своих покоях и часами хранил молчание, превзойдя в этом прежнего Сюань Цина. Тревожась за брата, Сюань Цин то и дело вызывал его на тренировочные поединки — не ради победы, а лишь для того, чтобы заставить его хоть как-

то реагировать на мир.

Со временем Сюань Ли немного оттаял. Его речь наполнилась едким сарказмом и колкостями, но это было куда лучше гробового молчания.

И всё же по сей день он почти никогда не заговаривал первым.

<http://bllate.org/book/18239/1749295>